

Андрей Козырев
Вереск цветёт

Сад стихов

Андрей Козырев
Вереск цветёт. Сад стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917007

ISBN 9785448546594

Аннотация

«Вереск цветёт» – сборник избранной философской и духовной лирики Андрея Козырева, «вертоград многоцветный» современной поэзии.

Содержание

Трилистник садовый	6
1. Вереск цветёт	6
2. Запретный город	8
3. Вишнёвый сад	10
Трилистник в храме	12
1. Мой несбывшийся храм	12
2. В храме	14
3. Попытка молитвы	17
Трилистник песенный	20
1. Я люблю этот сад	20
2. Колыбельная	22
3. Утоли мои печали	25
Трилистник ночной	26
1. Бессонница	26
2. У камина	28
3. Бесприданница	30
Трилистник шуточный	32
1. Всё о жизни	32
2. Поток сознания	34
3. О себе	36
Трилистник из детской тетради	37
1. Моё первое стихотворение	37
2. Сонет перед зеркалом	39

3. Монолог средневекового актёра	41
Трилистник весенний	43
1. След на снегу	43
2. «Бог – обнажённый тополь...»	44
3. Юность	45
Трилистник на берегу	46
1. Ночь на берегу	46
2. Ветер и волны	49
3. Ибо прах есмь	51
Трилистник за городом	54
1. Вкус земляники	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вереск цветёт Сад стихов

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-4659-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трилистник садовый

1. Вереск цветёт

Стихи, навеянные сном

*Я не видела Вересковых полей —
Я на море не была —
Но знаю – как Вереск цветёт —
Как волна прибоя бела.
Эмили Дикинсон*

Я увидел во сне поле в синих лучах,
Я увидел: во мне загорелась свеча,
Я увидел цветы, я увидел восход
Над простором, где вереск весною цветёт!

Нет, не зря мы старались, сгорали и жгли:
Наши зёрна сквозь время в простор проросли.
Окупись, словно поле, в лиловый огонь
И на синее солнце взгляни сквозь ладонь.

Что случилось? Куда ты умчалась, тоска?
Всё, как прежде: эпохи свистят у виска,
Но воскресшие души глядят из цветов
Прямо в сердце моё, где из пламени – кровь!

Земляником покрыт край молочной реки,
И в цветах открываются чудо-зрачки:
Инфракрасные Божии смотрят глаза
Из цветов – сквозь меня – сквозь любовь – в небеса!

А давно ли вставал я, как дым, из земли
И во мне, словно пули, гудели шмели?
Но Господь, как ладонь, аромат мне простёр
И цветами озвучил бессмертный простор.

Это вереск цветёт, это вереск цветёт,
Это хрупкий сквозь землю пророс небосвод,
Это нота, которую слышал Господь,
Обрела на мгновение душу и плоть.

Это вереск цветёт! Это вереск цветёт!
Вслед за полем цветами зарос небосвод, —
Сад на небе, где радостью стала печаль,
Где мой голос воскресший вживается в даль!

Расцветай, отцветай, сад на небе моём,
Проплывай, аромат, в небесах кораблём,
Знай, любовь, – я с тобой, если небо нас ждёт,
Если вереск в словах и созвучьях цветёт!

2. Запретный город

Дмитрию Мельникову

В запретном городе моём,
В оазисе моём —
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.

Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.

Там тысячью горящих уст —
Лиловых, огневых —
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.

Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит —
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.

Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад

Шестёркой вещей крыл.

Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.

Былых истлевших дней зола
Едва шуршит во мне,
И вырастают два крыла
В груди и на спине.

Там, в одиночестве моём,
Заполненном людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.

Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь —
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.

3. Вишнёвый сад

В твоих глазах цветёт вишнёвый сад.
В моих глазах дотла сгорает небо.
Ассоль, ты помнишь, – триста лет назад
Всё не было на свете так нелепо?

Ещё земля не пухла от могил,
Ещё людей на свете много было,
И ветер цвёл, и камень говорил,
И солнце никогда не заходило.

Ты помнишь, как спускались к морю мы,
В глазах плясали солнечные блики,
Тогда, ещё до ядерной зимы,
И как сладка тогда была клубника...

Моя Ассоль, корабль не придёт.
Не плачь. Смотри, не говоря ни слова,
Как надо мною чёрный свет встаёт
Столбом – от лба до неба молодого.

Смотри: всё небо – в алых парусах.
Они цветут, кровавые, как рана.
А позади – мечты, надежды, страх,
И шум волны, и пристань Зурбагана...

Ты знаешь, мы насадим новый сад.
В моих глазах ещё осталось место.
Пусть расцветёт надеждами наш ад,
В котором я – жених, а ты – невеста...

Пусть совершится скромный чумный пир.
Пусть нас обманут глупые надежды.
А завтра Бог создаст нам новый мир,
Но мы в нём будем теми же, что прежде...

Прости меня. Я выдумал тебя,
И этот мир, и ядерную зиму.
Я мог бы жить, не грезя, не любя,
Но мне творить миры необходимо.

Вишнёвый сад цветёт в твоих глазах.
Мы вырубим его, насадим снова.
Ассоль, ты заблудилась в чудесах,
Которые творю я силой слова.
Ты видишь – нет меня, я – тлен, я – прах,
Я создал мир, я растворён в веках,
И нет ни будущего, ни бывшего,

И небо, небо – в алых парусах...

Трилистник в храме

1. Мой несбывшийся храм

Зодчим хотел бы я стать, воздвигать над землёю соборы,
Замки, палаты, дворцы, в камне полёт пробуждать,
Небо спуская на землю, землю подъявля до неба,
Слышать, как в камне полёт сотнею крыльев шумит.
Вот он стоит, мой колосс, белый покой расточая, —
Чудо ожившей земли, белый букет к небесам.
Каждая луковка стянута строгим бутоном,
Ждёт, когда чудо-цветку придёт распуститься пора.
Купола круглый зрачок отдохновенья не даст мне:
Ясности солнечный мёд льётся к нам сквозь витражи,
Божий зрачок озарил высшую точку пространства,
Небо раскрыло уста, камень стал плотью и словом —
Время семи дней Творенья в узел один собралось.
Острые арки вздыхают, тёмный свой зев отворяя,
Сомкнуты двери, как губы, долгую думу тая.
...Дай мне, небесная твердь, тоски о несбывшемся храме,
Сердце моё обостри, нервы сияньем зажги.
Вижу — мой храм возлежит,
словно лев, вольно вытянув тело,
Белый лучистый покой вокруг расширяется мерно,

Башня стоит, словно львёнок, рядом, едва улыбаясь...
Дай мне, небесная твердь, львиной повадки и мощи,
Чтобы я смог разбудить в камне уснувший полёт.

2. В храме

Храм, как колодец, тих и тёмн, —
Сосуд, воздетый над землёй
В простор, что страшен и огромен,
Где плещет тьма – живой водой.
И в сумрачном колодце нефа,
Где ходят волны полутьмы,
Мы черпаем любовь из неба —
Мы взяты у небес взаймы.
И тьма волнуется, как море,
Где раздробил себя Господь
На звёзды в сумрачном просторе,
Чтоб сумрак плоти побороть.
В Твоей тиши душе просторно.
Там глубину находит взгляд,
Там сквозь меня растёт упорно
Столетий тёмный вертоград.

А рядом – нищие, калеки,
Юродства неувядающий цвет.
Осколок Божий в человеке
Сквозь плоть свой источает свет.
В неверном пламени огарков
Темнеют лица стариков,
Пророков, старцев, патриархов
Из ста колен, из тьмы веков.

Древнее Ноя, Авраама,
Древнее Авелевых стад —
Они от века люди храма,
Лишь ими град земной богат.
И, возносясь под самый купол,
Воздетых рук стоперстый куст,
Что Господа едва нащупал,
Пьёт полумрак всей сотней уст.

Но – выше дня и выше ночи
Безмолвствуешь над Нами Ты,
Ты – сумерек нетленный зодчий,
Пастух вселенской темноты.
Твой дух под куполом витает,
Превыше человеческих троп,
И вещий сумрак возлагает
Свои ладони мне на лоб.

Как тяжело Твоё прощенье,
Быть может, гнева тяжелей.
Но Ты – наш Царь, и Ты – Служенье,
Ты – кровь, Ты – плоть, и Ты – елей.
Ты – голубая вязь страницы,
Ты – тот псалом, что я пою.
Облёк Ты ближе власяницы
И плоть мою, и суть мою.

Тебя я строю, словно птицы —
Гнездо. Стою в Твоём строю.

И в людях, не смотря на лица,
Твой ток вселенский узнаю.

Ты, не уставший с неба литься
В немой простор моей страницы —
Господь! Прими мольбу мою.

3. Попытка молитвы

Или, или, лима савахфани!

В старинном, полутёмном храме,
Там, где крылат молитвой звук,
Где светится над небесами
Иконостас из лиц и рук,
Там, где над безднами бессилья,
Над миром, над добром и злом
Врата раскидывают крылья
Двуглавым золотым орлом, —

Где жизнь, как песня, звучно спета
И будто в воздухе распят
Псалом из золота и света,
Припавший к телу Царских Врат,
Где, бега дней не разумея,
Киот украшенный стоит,
И лики у святых темнеют,
И золото вокруг звучит, —

— Там я, худой, смиренный, тихий,
В иконных ликах узнаю —
За гранью шёпота и крика —
Гордыню адскую мою...
И Испытующий в любви

Пытает: – Кто ты?

Кто же ты?

До глубины, до слёз, до крови,

До немоты, до наготы...

И книга воспаряет птицей

Над строгостью недвижных плит,

И рвётся бездна со страницы,

И душу лапами когтит...

И, в переплетах песен с адом

Страданье зная наизусть,

Я чувствую, что рядом, рядом —

Тот, про кого молчать боюсь...

Голгофским стоном вознесётся

Мой зарифмованный порыв

Над золотым орлом, над солнцем,

К Тому, Кто здесь единый – жив...

Срываясь в песню, словно в бездну,

Молюсь, дрожу, шепчу урок:

– Я, может быть, ещё воскресну...

Господь, Господь...

дай срок...

дай строк...

Звучит Другой в моём напеве...

Грешны молитвы тёмных вод...

Но зреет на засохшем древе

Господь – целебный, горький плод.

...Но чудится, что в тёмном нефе,
Молчанье мудрое храня,
Укрытый в потаённом небе,
Цветёт Господь вокруг меня.

Трилистник песенный

1. Я люблю этот сад

Наивная песенка на старый мотив

Я люблю этот дом,
Я люблю этот сад,
Где под синим дождём
Георгины стоят.

Я люблю этот сад,
Я люблю этот дом,
Где цветеньем объят
Куст под самым окном.

Пусть в миру пролетят
Тыща лет или две —
Я люблю этот сад
У меня в голове.

В нём не гаснет закат
И не вянут цветы.
Я люблю этот сад
Под названием «Ты».

И, когда я уйду
За земной окоём,
В этом дивном саду
Мы с тобою пройдем.

Мы пройдем по судьбе,
Невесомы, чисты —
Ты во мне, я в тебе,
И в обоих — цветы.

И в цветенье огня
Потону я один,
И пройдет сквозь меня
Тёплый дождь георгин.

2. Колыбельная

Лёвушке Иванову

Лев, царевич, милый мой,
Светик мой малиновый,
Снежно-белою зимой
Жизнь ты начал длинную.

В небе яркой солью звёзд
Над путями-встречами
На десятки славных вёрст
Жизнь твоя размечена.

Много в мире ты свершишь
Чистого, высокого.
Белкой по стволу взбежишь,
В небо взмоешь соколом.

Ты найдёшь свой кладенец,
Плуг проверишь пашнею.
Лев, царевич, удалец,
Солнышко домашнее.

Ты играй, играй, играй,
Мир игрой на два деля.
Твой непокорённый рай

Ждёт завоевателя.

Много будет славных лет.
В их цветастом пении
Ты звучишь, сиренный цвет,
Как стихотворение.

Ты расти свой вертоград,
Многоцветье славное.
Выше всех наград и правд —
Правда детства главная.

Лев твой держит меч и щит,
Свет цветёт на лбу, пока
Над тобой Господь парит
Шестикрылым облаком.

Ты расти, расти, расти,
Ты расти без старости.
Сказки по ветру пусти,
Но – без зла, без ярости.

Свет мой тихий, возрастай
Хоть до неба синего.
Сном витай хоть возле стай
У моста Калинова.

Лев, царевич, светик мой,
Слушай наше пение.

Подрастай, играй и пой
Нам на загляденье.

В небе яркой солью звёзд
Над путями-встречами
На десятки славных вёрст
Жизнь твоя размечена.

3. Утоли мои печали

Утоли мои печали
Светом солнечного дня,
Стуком маленьких сандалий
На дорожке у плетня,

Детским смехом, чистым взором,
Неспешащим разговором,
Красотой всяя Земли
Жажду жизни утоли.

Дай мне, жизнь, поверить в Бога,
Что всегда сильнее зла,
И в придачу – хоть немного
Человечьего тепла.

Дай приют, что мне не тесен,
На столе – огонь свечи,
И ещё – немного песен,
Мной написанных в ночи.

Дай мне верные ответы
В споре памяти с судьбой,
И ещё – немного света,
Сотворённого Тобой.

Трилистник ночной

1. Бессонница

Любой, кто засыпает, одинок.
Кто б ни был рядом, ты – в отдельном мире,
Но в той вселенной есть твой городок,
В нем – тот же дом и тот же мрак в квартире.
Бывает, погружаешься во мрак,
А в нем – всё лучше, чем при свете, видно:
Грязь, неуют, за домом – лай собак,
Что скалят зубы, злятся: им обидно
На пустоту, в которой тяжело...
Но за стеной спокойно дышит мама,
Сквозь стены слышишь ты её тепло
Всем существом, своею сутью самой.
Да, ты – дитя. Но, увлечённый тьмой,
Ты постигаешь холод жизни краткой,
Вперив глазенки в тёмное трюмо
Напротив детской маленькой кровати.
Там – то ли тень, а то ль твоё лицо,
А то ли кто-то третий, страшный, страшный,
Кто время сна жестоко сжал в кольцо...
Но думать, кто, не важно. Нет, не важно.
...Страшилка это или анекдот,

Воспоминанье, ставшее лишь знаком?

При свете мир давно уже не тот...

Но в темноте он вечно одинаков.

Днем – жизнь, дела: не выйти за черту.

А ночью – тот же детский страх спасенья,

И тот же лай собак на пустоту,

И тот же Третий меж тобой и тенью,

И – сквозь пространство – мамино тепло...

2. У камина

Хотел ты жизнь познать сполна:
Вместить в себя явления сна,
И прораствание зерна,
И дальний путь комет.
И вот – ты одинок, как Бог.
И дом твой пуст. И сон глубок.
В камине тлеет уголёк
И дарит слабый свет.

Ты всё познал, во всё проник,
Ты так же мал, как и велик,
И твой предсмертный хриплый крик
Поэзией сочтут.
Всё, что в душе твоей цвело,
Давно метелью замело,
Но где-то в мире есть тепло —
Там, где тебя не ждут.

Всё кончилось, – любовь, тоска, —
Но бьется жилка у виска,
А цель, как прежде, далека.
В доме твоём темно.
Открой окно, вдохни простор, —
Ты с небом начинаешь спор,
А на столе, судьбе в укор,

Не хлеб и не вино.

Что было, то навек прошло.
Зло и добро, добро и зло
Влекут то в холод, то в тепло,
И вечна их печать.
И ветром ночи дышит грудь,
Но ты всё ждёшь кого-нибудь,
Чтоб дверь пошире распахнуть
И вместе путь начать.

К себе ты строг. И вот – итог:
Теперь ты одинок, как Бог.
Но всё ж ты смог из вечных строк
Создать звучащий храм.
Но вдруг волненье стиснет грудь:
Твоей души коснулся чуть
Тот, кто последний вечный путь
Указывает нам.

3. Бесприданница

Татьяне Чертовой

Ночь... Морозы... Чёрные метели...

Пьяная, слепая высота...

За окном – шумят ветвями ели.

В старом доме – жар и теснота.

В старом доме жизни места мало.

Распахни окно – и снег в лицо!

Там, за два квартала, – гул вокзала,

Ночь, огни, трамвайное кольцо...

Небеса застелены, как фетром,

Собственной бездонной глубиной...

Под ногами вновь дрожит от ветра

Твердь земли, облитая луной.

Я иду, от яви в сон проснувшись,

По следам давно ушедших лет...

Фонари, как змеи, изогнувшись,

Смотрят узкими глазами вслед.

Изогнулся купол звёзд гигантский...

Это царство так знакомо нам:

Атаманский хутор. Храм Казанский.

Пушка, что глядит во тьме на храм.

Здесь от века всё, как в море, тихо...

Здесь не слышно голосов людей...

Где ты, счастье, где ты, Эвридика,

Горький свет живой души моей?

Там, где ты сейчас, поёт стихия,

Там, пронзая взорами эфир,

В чёрных небесах созвездье Змия

Смотрит на огромный, бурный мир.

И я слышу – где-то, в дальнем храме,

За слепым простором Иртыша,

За рекой, за ветром, за степями

Плачет бесприданница – душа.

Трилистник шуточный

1. Всё о жизни

Стихи без глаголов

Вежливая медленность маршруток
Злая неуклюжесть мерседесов
Страшная начитанность блондинок
Буйная фантазия старушек
Лёгкий поцелуй велосипеда
Сладострастье боли под лопаткой
Странная прическа роконосца
Мягкость электрического стула
Честность государственной газеты

Бескорыстие свиньи-копилки
Аппетитность колбасы без мяса
Красота последних книг Донцовой
Виртуозность женщины-таксиста
Наглая застенчивость мигрантов
Вежливость мужчины с автоматом

Чуткая находчивость таможни
Скучная улыбчивость нудиста
Праздничный порядок на дорогах

Бешенство железной табуретки
Злобное предательство домкрата

Мудрое бесстрашие идиота
Сладкая наивность бюрократа
Громкое раскаянье садиста
Безупречность вкуса людоеда
Грация и шик Армагеддона

Блеск и нищета всего земного.

2. Поток сознания

Я удивлялся в жизни много раз
Как у убийцы чисто пахнут руки
Он моет их под краном каждый час
Наверно от безделья или скуки

Он лжец он *лицемёр* почти святой
Его уста невинны как и взоры
От них всюду воняет чистотой
Сквозь телевизоры и мониторы

Друзья мои ужасен наш союз
Союз народов армий и сословий
От выдуманных ангелов и муз
На мостовой следы реальной крови

В дождинках небо мнётся на траве
За выдуманных ангелов в ответе
От ливня искры мокнут в голове
Я разбиваюсь как плевков об ветер

Поют шансон последние гроши
И не на кого в мире положиться
Людей полно но нету ни души
Среди полусмертей и полужизней

Пусть я один но я не одинок
Мой дождь привык со мною куролесить
Мой зонтик проживет ещё годок
А головы мне хватит лет на десять

Пиши строчи чего-то сочиняй
Потом порви потом башкой об стенку
За это всё ты повидашь рай
Он розовый как девичья коленка

Никто живым не выйдет из огня
Но говорят же верят люди слепо
Что кто-то где-то прыгнул из окна
И взмыл в рассвет пробив башкою небо

Безумец не сойдёт вовек с ума
Так что же я писал стихи напрасно
И ночь черна как чернота сама
И на земле так жутко и прекрасно

3. О себе

Жизнь моя – всеми цветами сразу горящий светофор.

Трилистник из детской тетради

1. Моё первое стихотворение

Всё в мире – отпечаток рук Творца.
Всё в мире – из одной и той же глины.
Весь мир – Лицо.
Но нет на нём лица.
Но где, скажите, мне найти причину

Тому, что не едино мыслим мы,
Что, говоря, слова мы разделяем,
Что с разных точек зренья видим мир
И разное основой в нём считаем?

Стоим мы с двух сторон одной двери
И на себя дверь с равной силой тянем.
Не сдавшись, мы её не отворим
И не поймем ни данности, ни тайны.

Но мы – магнит, что держит целый мир
С оврагами, горами, облаками,
Где для людей в пути ориентир —
Полярная звезда,
а полюса – мы сами.

18 февраля 2003 года

2. Сонет перед зеркалом

Разговор через десять лет

Сонет

Нам не дано ни созидать, ни строить.
Нам не дано творить и порождать.
Не нужно зря нам небо беспокоить —
Не продаётся Божья благодать.

Один Господь творить имеет право.
Нам не постичь Его великих дел.
Но всё ж в руках Творца, покрытых славой,
Быть глиною – блаженнейший удел.

В руках Творца душа меняет лики
В игре жестокой, тяжкой, но великой,
Где каждому своя даётся роль.

Покорная всецело Божьей воле,
Душа страдает от безмерной боли,
И творчеством зовётся эта боль.

2006

Отражение сонета

...И творчеством зовётся эта боль.
Душа страдает от безмерной боли,
Покорная всецело Божьей воле,
Где каждому своя даётся роль.

В игре жестокой, тяжкой, но великой,
В руках Творца душа меняет лики.
Быть глиною – блаженнейший удел.
Но всё ж в руках Творца, покрытых славой,
Нам не постичь Его великих дел.
Один Господь творить имеет право.

Не продаётся Божья благодать.
Не нужно нам зря небо беспокоить —
Нам не дано творить и порождать,
Нам не дано ни созидать, ни строить.

2016

3. Монолог средневекового актёра

Я выхожу на площадь перед храмом,
Несу всю тяжесть своего креста.
Прост и жесток сюжет старинной драмы,
В которой я играю роль Христа.

Я слишком много заплатил за право
Для зрителей исполнить эту роль.
На крест я поднимусь для их забавы,
Чтоб их потешить, испытаю боль...

Пройду помост от края и до края...
Как узок он, так тесен этот свет.
На сцене Бога вечного играя,
За час переживу я жизнь и смерть.

Запомнят все в толпе мой образ строгий —
И в их сердцах я вновь пройду не раз
Свой путь, прямой, упрямый, одинокий,
Средь неусыпных взглядов сотен глаз.

Но кто я сам? Актёр, паяц, обманщик,
Скрывающий под маскою лицо.
Обычным лицедеем был я раньше,
И мир мой тесный замкнут был в кольцо.

Но лишь теперь величье ощутил я
Того, Чей образ принял я на час,
И чувствую, как расправляет крылья
Мой дух, орлом к престолу Бога мчась...

2005

Трилистник весенний

1. След на снегу

Этот тоненький след на весеннем снегу
Я годами забыть не могу, не могу.
Ты ушла и оставила след, как печать,
На снегу, на душе, что устала звучать.
И твой след в моей жизни остался навек,
И вовек не растает предутренный снег.
Я его в своей памяти уберегу...
Умереть я могу, а забыть – не могу.

2. «Бог – обнажённый тополь...»

Бог – обнажённый тополь —
Зазеленел весною
Под серым дождём свинцовым,
У края тёмной аллеи.

На плитах пустой дороги
Шаги едва раздаются;
Дождик молитву шепчет,
Светлея с каждым поклоном.

В тучах тёмной водою
Незримо плещется время.
Дома поднимают шпильи
Сквозь одинокий воздух.

Стихли древние стоны.
В земле затаилось пламя.
Давно под ногами прохожих
Колышется тонкая плёнка.

Тени летают тише,
Всё тише под тихим небом
И шепчут тихие песни
О паденье Гигантов.

3. Юность

Аромат цветущих яблонь, донёсшийся издалёка,
Может, из будущего, которое ещё так велико;
Вишнёвый вкус поцелуя, тающий на губах,
Шелест песка между пальцами ног, шаловливый, как время,
мя,

Тысячи человеческих душ,
раскрывающихся глазами цветов,
Дорога, сады, машины – и бескрайнее
Синее небо над нами, как платок,
наброшенный на бесконечность,
Звёздную, тёплую, завораживающую, —
это наша гостеприимная

Юность, принимающая всех, но никого не отпускающая
Без отпечатка счастливого брожения чувств
В одиноком, чистом, заброшенном в бездну жизни
Сердце.

Трилистник на берегу

1.Ночь на берегу

Ночной Иртыш. Глухая тишь.
Ночь пахнет теплотой земной.
Ты всё мне, может быть, простишь
За слёзы под Твоей луной.

Ты, может быть, отпустишь мне
Земную часть моей вины
За то, что я сгорал в огне —
В прозрачном пламени луны.

От ног моих и до небес
Река вольготно разлеглась,
Как лунных грёз противовес,
Сквозь нашу жизнь, сквозь нашу грязь.

Лучится аромат луны.
Лучи на волнах золотят
Сквозь нашу грязь, сквозь наши сны
Дорогу в рай, дорогу в ад.

Лохматый пёс лакает свет.

Его язык течёт в простор.
Цыганский говорок планет
Звучит земле наперекор.

Бездомный дух, бродячий пёс,
Бьёт по ногам моим хвостом,
Мне в руки тычет мокрый нос —
Скиталец в космосе пустом.

Пророчески блестит бутылъ.
Пророчески дымит костёр.
Сквозь некосмическую пыль
Несётся запах-метеор.

Но звон трамвая в стороне,
Звучащий ровно в ровной мгле,
Едва напоминает мне,
Что мы, однако, на земле,

Что скоро что-то над землёй
Наполнит светом окоём,
Что Ты очертишь контур свой
Меж тьмой и мной, добром и злом, —

Ты, зажигающий звезду
Над небом, видным сквозь пейзаж,
Сквозь весь извечный морок наш,
По вере, делу и труду,
По нашей вере в чистоту

Нам всем воздашь,
Сполна воздашь.

2. Ветер и волны

(Иртышская набережная. Вечер. Одиночество)

Туманный берег. Сумерки любви.
Дождь пунктуально размечает плиты
На набережной. И почти забыты
Размолвки между мною и людьми.
Чем мы взрослей, тем чаще наяву
Мы ссоримся, как маленькие дети...
...Бессвязностью дождливых междометий
Описан мир, в котором я живу.

Незримая мне чувствуется связь
Меж ветром и волной, что нарастает.
Идет прилив, и время прибывает,
О берег, как о тишину, дробясь.
А ветер, с пляжа в город восходя,
Стирает с сада времени отметки
И вписывает дрожь ольховой ветки
В тончайшую параболу дождя.

Я – ветер. Ты – волна. Смиришься ты,
Приливу неба уступив покорно.
Так сумерки втекают в зелень дёрна
Чернилами, что с неба разлиты.
И некий неизвестный миру бес

Играет связью неба с жизнью светской,
Стремясь отождествить рисунок детский
И звёздные каракули небес...

В чернилах – облака. Пустынен пляж.
Один ребенок собирает камни.
Вернуть тебя... Познать себя... Куда мне!
Я – кто? Был – человек, а стал – пейзаж.
И в голову приходит лишь одно:
В разлуке, словно пёс, скулить негоже...

.....
Но звёздный холодок бежит по коже,
Когда Господь сквозь нас глядит на дно.

3. Ибо прах есмь

Я – просто пыль, хотя зовусь Андреем.
Я помню всех, кто проходил по мне.
Я помню, как был поднят суховеем,

Когда горел весь небосвод в огне,
И был весь берег пляжа в отпечатках
Твоих жестоких маленьких ступней.

Ты шла по мне, и было мне так сладко —
Я был твоей растоптан красотой.
И я с тех пор мечтаю – кротко, кратко —

Лишь о тебе, единственной, о той,
Чьи ноги нежно пачкал я когда-то
И целовал их, прячась под пятой!

Летят часы... Горит в лучах заката
Огромный небосклон, и шар земной,
Тяжёлый, покори́лся виновато

Любви, что правит Господом и мной,
Любви, что движет звёздами и пылью,
Что превосходит море глубиной.

Пусть я лишь прах – но мне дано всесилье!

Я поднимаюсь, как прибой земли,
Встают из облаков песчаных крылья,

Летят песчинки, словно корабли,
И мне земли и даже неба мало...
Но я хочу, чтоб я лежал в пыли,

Чтоб ты меня жестоко растоптала.
Я счастлив быть под каблуком твоим!
Я – всё, и я – ничто; конец, начало —

Во мне, во мне... Но эта слава – дым!
Мне тяжело от этой мёртвой славы,
И я твоей насмешкою целим.

Когда шумит прилив листвы кровавый,
Когда пляж тих и берега пусты,
Когда пророчит бурю клён стоглавый,

Я наряжаюсь в травы и цветы,
Я, глина, я, Адамова попытка,
Я – пыль от пыли вечной красоты!

Быть говорящей глиной – это пытка!
Ты попираешь шепчущий песок,
Как виноград, и чувства от избытка

Текут через края, как алый сок...
Он сладок, сок растоптанной гордыни!

Мой облик низок, а удел высок —

Настанет час, к тебе ревниво хлынет
Прилив земли и в пыль одну сольёт
Со мной... Ты прах – и в прах уйдёшь отныне!

Но в каждой клетке тела свет зажжёт
И в каждой капле крови след оставит
Зияние покинутых высот,

Которое тебя во мне прославит
И даст понять тебе, наивной, вновь,
Что нас покой посмертный не забавит,

Что даже пыли ведома любовь!

Трилистник за городом

1. Вкус земляники

Зелень заполнила сад, прихватив даже неба кусочек,
Чаша пространства полна блеском и щебетом птиц.
Ягоды сочно алеют на лучезарной лужайке,
Алость зари в их крови землю насквозь проросла.
Ягоду пробую я, имени сочно лишая,
Чувствую сладостный вкус – спорят во рту жизнь
и смерть.

Там, где родятся слова, ягода плоть потеряет,
Душу иную найдёт, в теле не развоплотясь.
Жизнь – круговерть перемен, путь из утробы в утробу.
Но не ужасен сей путь, а вечно радостен нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.